

ДНЕВНИК ВЕНГЕРСКОЙ
«АННЫ ФРАНК»
ВПЕРВЫЕ ПУБЛИКУЕТСЯ
НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

АГНЕС ЖОЛТ

ДНЕВНИК ЕВЫ ХЕЙМАН

EVA.STORIES — МАСШТАБНЫЙ МЕДИАПРОЕКТ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРИИ ЕВЫ

ХХЛОКОСТ · ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ

Холокост. Правдивая история

Агнес Жолт

Дневник Евы Хейман

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.511.141-94
ББК 84(4Вен)-44

Жолт А.

Дневник Евы Хейман / А. Жолт — «Издательство АСТ»,
2021 — (Холокост. Правдивая история)

ISBN 978-5-17-121078-6

Дневник венгерской «Анны Франк» впервые публикуется на русском языке. Страницы дневника охватывают полгода жизни Евы, начиная с февраля 1944 года, когда нацисты вторглись в Венгрию, а затем и в родной город девочки – Надьварад, и заканчивая в мае 1944 года, в день, когда Ева вместе с бабушкой с дедушкой попадают в Освенцим. В октябре того же года, Ева попыталась сбежать из лагеря и спрятаться в бараке. Ее нашел Йозеф Менгеле, известный также как «Ангел Смерти». По рассказам очевидцев, он собственноручно затолкнул девочку в грузовик, направляющийся в крематорий. 17 октября 1944 года жизнь Евы оборвалась. После публикации дневника мать Евы Агнес Жолт покончила с собой. В 2019 году в Instagram был запущен масштабный медиапроект, посвященный истории Евы – eva.stories, который собрал более 1, 2 млн подписчиков. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 821.511.141-94

ББК 84(4Вен)-44

ISBN 978-5-17-121078-6

© Жолт А., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Ева, доченька	5
13 февраля 1944 года	7
14 февраля 1944 года	11
17 февраля 1944 года	14
21 февраля 1944 года	16
26 февраля 1944 года	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Агнес Жолт

Дневник Евы Хейман

Ева, доченька

Дневник Евы попал ко мне в 1945 году, когда я вернулась в Надьварад¹. Сберегла его Маришка Сабо, которая долгие годы служила у нас кухаркой. Я – мама Евы, но звала она меня – Аги. Людская злоба, звериная жестокость, царившие в том аду, каким было в 1944-м году надьварадское гетто, разлучили нас друг с другом. Меня увезли в Берген-Бельзен, позже моя судьба повернулась к лучшему, я оказалась в Швейцарии, а Ева 17 октября 1944 года погибла в Аушвице². С того дня, как ее подругу, маленькую Марту Мюнцер, еще в 1941 году, буквально оторвав от клубники со сливками, посадили в вагон, – Ева внутренне очень изменилась. У нее появилось навязчивое убеждение, что ее, да и всех, кого она любит, ждет такой же удел. Очень трудно было отвлечь ее, эмоциональную, чрезвычайно умную, от подобных мыслей, ставших едва ли не навязчивой идеей.

В какой-то мере – это видно из дневника – нам удалось, с помощью аргументов, в то время еще казавшихся логичными, примирить ее с жизнью. Однако боль, которую вызвала в ее сознании судьба Марты, оставила у нее в душе глубокие следы, и 19 марта 1944 года, когда немцы оккупировали Венгрию, образ подруги, очаровательной девочки, обожающей танцевать, вновь кошмарным видением возник перед нею, и вплоть до 3 июня – когда ее тоже затолкали в вагон и увезли в Польшу – она несколько раз в день вспоминала Марту и принималась рыдать. Жизнь Евы оборвалась 17 октября 1944 года. 6 июня, в тот самый день, когда союзные войска впервые ступили на землю Европы, высадив десант в Нормандии, Ева прибыла в Освенцим. Как многие миллионы других несчастных, она прошла через все ужасы концлагеря. По рассказам выживших свидетелей, она, несмотря на физические и душевные страдания, ни на мгновение не теряла воли к жизни, – этим объясняется, что ее физическое состояние, по сравнению с состоянием окружающих, оставалось, можно сказать, удовлетворительным. Двоюродная ее сестра и подруга, Марица Кечкемети, которую Ева не раз упоминает и в своем дневнике, умерла (также по свидетельству выживших) буквально у нее на руках, но воля к жизни и после этого не покинула Еву. Она делала все, на что способен человек в тринадцатилетнем возрасте, чтобы уцелеть и дождаться прихода того времени, о котором мечтали в аду фашизма окружающие ее люди. То есть эта тринадцатилетняя девочка, почти ребенок, боролась за свою жизнь так, что довольно долго противостояла потерявшим человеческий облик палачам Третьего Рейха; но, конечно, зверь в конце концов одолел ее. Чудовище, которое стало непосредственной причиной ее смерти, звали Менгеле. Не стану объяснять читателю, кто такой Менгеле: думаю, нет на земле человека, кто не содрогнулся бы, услышав это имя. К стыду человечества, он получил диплом врача, и, как рассказывали знавшие его, голос его был подобен звукам органа. Выглядел он как какой-нибудь мифологический бог. Менгеле сортировал сотни тысяч депортированных, отбирая тех, кого тут же посылал на смерть в газовой камере. И отдельно – тех, кого приговаривал к жизни.

¹ Надьварад (часто – Варад) – венгерское название города Орадя в Трансильвании. До 1919 г., как и вся Трансильвания, относился к Венгрии. В 1940 г., по решению Венского арбитража, Северная Трансильвания, в том числе Надьварад, была возвращена Венгрии, туда вошли венгерские войска. Но в 1945 г. Северная Трансильвания опять отошла к Румынии. В начале XX века венгры составляли около 90 % населения города, в конце столетия – около трети.

² Аушвиц – немецкое название Освенцима.

Жизнь, которую оставлял людям Менгеле, тоже не нуждается сегодня в каких-то описаниях. Так что Ева, находясь в освенцимском лагере «С³», под столбами поднимавшегося из труб крематория дыма, вплоть до 17 октября жила той жизнью, какую определил ей Менгеле. А 17 октября 1944 года, очевидно, подгоняемый известиями о стремительном приближении освободительных русских частей, Менгеле провел свою последнюю и самую масштабную селекцию. Если прежде он, своим знаменитым дирижерским жестом, направлял несчастных, бесконечной вереницей проходивших перед ним, направо или налево, то 17 октября он, уже не удовлетворяясь теми жертвами, которых пригнали его прислужники, сам отправился разыскивать спрятавшихся. А Еву действительно спрятала в каком-то бараке одна добросердечная женщина-врач. Менгеле без особых трудностей наткнулся на Еву, которая, к своему несчастью, подхватила паршу, и ноги у нее были покрыты струпьями. «Смотри-ка, – закричал Менгеле, – ты еще и запаршивела, лягушонок. Марш на грузовик!» Человеческий материал для своих крематориев Менгеле возил на грузовике, выкрашенном в желтый цвет. По рассказам свидетелей, Менгеле собственноручно втолкнул девочку в кузов. То, чего она боялась с 1941 года, свершилось: жизнь тринадцатилетней Евы в этот день закончилась.

Агнес Жолт

Будапешт, 1947.

Санаторий на горе Свободы.

³ Вероятно, автор имеет в виду лагерь Освенцим III (Аушвиц 3).

13 февраля 1944 года

Сегодня мне тринадцать лет, родилась я тринадцатого числа, в пятницу. Аги очень суеверна, хотя старается не показывать этого. Это первый мой день рождения, который я провела без Аги. Я знаю, у нее будет операция, но все равно она могла бы приехать. В Вараде хороших врачей тоже можно найти. В общем, в мой тринадцатый день рождения ее нет дома. Аги сейчас счастлива: дядю Белу как раз выпустили из тюрьмы. Аги очень любит дядю Белу, я тоже его люблю. Бабушка говорит, Аги никого больше не любит, только дядю Белу, а меня – нет. Но я в это не верю. Наверно, когда я была маленькая, она меня не любила, а сейчас любит. Особенно с тех пор, как я пообещала, что, когда вырасту, буду фотокорреспондентом и выйду замуж за англичанина, арийца. Дедушка говорит: к тому времени, когда я соберусь выйти замуж, будет все равно, кто мой муж, ариец или еврей. Дедушка даже считает, что слово это, «ариец», тогда забудут. Я так не думаю, потому что хорошо всегда будет тому, кто ариец. Даже если евреев уже не станут посылать на Украину, как дядю Белу или варадских богатых евреев, и не будет больше «еврейских законов». Аги всегда говорит, что после войны их точно не будет, но она раньше всегда говорила, что немцы проиграют войну. Она так считала и два года назад, летом, когда дядю Белу забрали на Украину. Наверно, тот день я никогда не забуду. Сейчас я как раз думаю: до чего же много случилось со мной такого, что я буду помнить, даже когда вырасту и когда стану старой. Милый мой Дневничок, ты уже был, когда дядю Белу увезли на Украину, но я тогда была еще маленькой и не написала подробно, как это было. Но теперь, когда можно сказать: «все хорошо, что хорошо кончается», и когда дядю Белу выпустили из тюрьмы, которая на проспекте Маргит, я как-нибудь опишу этот день. Но было и такое, чего я еще никогда в тебе не писала, потому что тогда, Дневничок, тебя еще не было, да и я совсем была маленькой. Например, как нацисты увозили Марту в Польшу. И еще как ушли отсюда румыны, а Миклош Хорти⁴ на белом коне проехал по главной улице, и я смотрела на него из окна аптеки. Аги очень сердилась, увидев, как я помахала Хорти рукой, и сказала, что этот Хорти убивал на Балатоне евреев⁵, когда сама она была еще ребенком. Я обиделась на Аги: зачем она говорит такое про наместника, у которого внук – такой красавец. Но вскоре после этого у дедушки хотели отобрать аптеку. Я тогда поняла, что Аги была права, когда назвала Хорти убийцей. Видишь, мой Дневничок, я и про то тебе еще не писала, что венгры чуть не отобрали у дедушки аптеку. Дедушка говорит, что это Аги помогла уладить это дело, но, по словам бабушки, дедушка просто дал кому-то много денег и так сохранил аптеку. Ты, Дневничок, конечно, не знаешь, кто это такой – витязь⁶ Сепешвари, который так обошелся с дедушкой; потом я тебе все расскажу. Дядя Бела тогда сказал, что какой-нибудь Попеску или Ионеску никогда бы так не поступили, как поступил этот «витязь». Бабушка говорит, она румын все равно терпеть не может, но Аги и дедушка их любят, только бабушке этого не говорят, потому что боятся. Я дядю Белу об этом спросила, но он ответил, что обобщать не стоит и что для нас, евреев, трагедия в том, что если, например, Эмиль Адорьян, который в Вараде самый богатый человек, скопит много денег, то арийцы и меня возненавидят, потому что я тоже еврейка, хотя у меня-то никаких денег нет. Все свои карманные деньги я трачу на подарки ко дню рождения; правда, мне тоже подарки дарят, и на день рожденья, и на Рождество. В этом году Аги

⁴ Миклош Хорти – правитель (регент) Венгрии в 1920–1944 гг., вице-адмирал. Въехал в Будапешт на белом коне в 1919 г., когда оттуда ушли румынские войска, помогавшие в разгроме Венгерской Советской республики 1919 года. Повторилась ли эта сцена в Надьвараде, в те дни, когда Северную Трансильванию заняли венгерские войска, установить не удалось.

⁵ В 1919 г. Хорти командовал силами, которые противостояли венгерской Красной армии; с его именем связан белый террор, бушевавший в Венгрии в 1919–1920 гг.

⁶ Витязь – наследственный дворянский титул (vitéz – буквальное значение «рыцарь»), учрежденный Миклошем Хорти в 1920 г. Сам Хорти также был обладателем этого титула.

и на Рождество не приезжала домой, а я в Пешт⁷ не могла поехать, потому что болела. Перед праздником Аги позвонила и сказала, что не может же она дядю Белу бросить в тюрьме одного; хотя он там вовсе не один, там, в военной тюрьме на проспекте Маргит, 87, с ним много евреев сидит. Я тоже написала туда дяде Беле письмо, а на его день рождения, 8 января, послала еще и фотографию. Папа сказал, чтобы я на конверте написала: Беле Жолту, заключенному. Но я не послушалась и написала: господину Беле Жолту. Я боялась, иначе он обидится. Дедушка сказал, раньше в тюрьму сажали только тех, кто украл, или убил, или обманул, и это был ужас какой позор, а теперь этим гордятся. Дедушка вот прямо гордится, что его зять четыре месяца отсидел в тюрьме. Дядя Шапира, учитель французского в нашем лицее, сказал мне на большой перемене, что дядя Бела благодаря этому, может быть, станет большим человеком, когда война кончится. Дядя Бела и сейчас большой человек, он очень много книг написал, только мне их читать не разрешают, мол, ты их все равно не поймешь. Хотя я вот читаю же Мора Йокаи и Кальмана Миксата, да и у Шекспира всё понимаю. Раньше дядя Бела писал передовые статьи в газете «Уйшаг», но их я в самом деле не понимаю. Правда, тогда я была совсем маленькая; а позже, из-за еврейских законов, статьи на первой странице стали писать другие. Но это я уже и не пыталась читать.

Раньше на дне рождения у меня всегда были гости, но в прошлом году ко мне пришли только две лучшие подруги: Марица Кечкемети, моя двоюродная сестра, и Анико Пайор; ну, и Аги была, конечно. Бабушка сказала, она не позволит нам устраивать целый прием, а то соседи скажут, ишь, дескать, у еврейских детишек – прямо пир горой. Правда, у нас христианка только Маришка, наша кухарка, и еще Юсти, гувернантка. Но они такого, конечно, не скажут. Маришка, та и раньше всегда служила в еврейских домах, потому что там прислуга ест то же, что и хозяева. Маришка говорит, это у арийцев прислуге другая еда положена, а она терпеть такого не может. Юсти же обожает евреев, она в свое время еще Аги воспитывала, вообще она всегда у нас была. Юсти я люблю больше всего на свете, даже, может быть, больше, чем Аги. Юсти – немка, вернее, австриячка, мать у нее живет в Книттельфельде, но она все равно больше всего на свете ненавидит немцев, то есть не немцев, а Гитлера и его приспешников, они все нацисты, а лучше сказать – эсэсовцы. Сегодня Юсти целый день будет у нас. С тех пор как Фольксбунд запретил ей жить у евреев, она пошла гувернанткой к двум маленьким арийцам на хутор. Знаешь, милый мой Дневничок, тот день тоже невозможно забыть, когда Юсти, по распоряжению Фольксбунда, пришлось расстаться с нами и уехать на хутор, к семье Порослаи. Прошлым летом я несколько дней провела у них на хуторе, и дядя Порослаи со мной разговаривал очень ласково, но Юсти знает, что он евреев ненавидит. Тетя Порослаи евреев не ненавидит, потому что она очень набожная католичка, дядя Порослаи тоже католик, но все-таки ненавидит, хотя мне он этого и не показывал. К ним вдруг приехали гости, и Юсти тут же меня увела из дома, потому что там были секретарь управы и учитель, и они прямо при мне стали ругать евреев, жидами их называли. А еще я случайно услышала, как дядя Порослаи сказал тете Боришке, жене своей, что я пока что очень миленькая девчушка, а когда вырасту, еврейская порода вылезет наружу. Я, правда, так не думаю, потому что папа мой, Бела Хейман, он точь-в-точь как ариец. Такой же стройный, высокий, с голубыми глазами, как в «Сигнале»⁸ – типичные арийцы. Мой красивый, голубоглазый папа даже теперь, все еще, любит венгров и арийцев, и в кондитерской «Яппорт» он часто сидит с ними за одним столом. Папа в самом деле выглядит, как ариец, он очень красивый, но Аги его не любила, вот почему они разошлись. Ты, Дневничок, ничего об этом, наверно, не знаешь, ведь это случилось девять лет назад, мне тогда было всего четыре года. Но я это все-таки помню, хотя и не так хорошо, как тот день,

⁷ Будапешт венгры часто называют Пешт.

⁸ «Сигнал» («Signal») – глянцевый пропагандистский журнал, издававшийся в Германии на многих европейских языках в 1940–1945 гг.

когда забрали Марту, она как раз была у нас, мы полдничали, а перед этим вместе катались на велосипеде. Завтра продолжу, только напишу еще, что мне подарили на день рождения. Аги – золотой браслетик с голубой эмалевой вставочкой, этот браслетик ей отдала мама Дюрки Биро, жена д-ра Гезы Биро из Коложвара⁹, потому что Дюрка, бедняжка, умер на Украине от сыпного тифа, а его старший брат, Фери Биро, пропал без вести, но тетя Биро надеется, что он жив, только находится в плену у русских. Аги говорила мне, под Воронежем венгров разбили и взяли в плен огромное количество солдат, ну и, конечно, тех, кто отбывал трудовую повинность на фронте, только Аги понятия не имеет, почему тогда война не кончилась. По радио каждый день в 4 часа бывает передача из России на венгерском языке, но в Пеште ее глушат. Однажды Аги была у нас и слушала эту передачу по нашему радио: как раз шел репортаж с первой партизанской линии, из Середина-Буды¹⁰. Дядя Бела тогда был там, и по радио рассказывали, что в России таких людей, как Бела Жолт, в 50-градусные морозы не водят на тяжелую работу, они не подвергаются побоям, не голодают, они работают за письменным столом, как им и положено. Аги тогда ужасно плакала, бабушка и Юсти – тоже. Интересно, что мама дяди Белы слышала эту же передачу у себя в Комароме, она потом написала Аги, что тоже плакала, но она надеется, что Бог поможет дяде Беле вернуться домой. Я свою неродную бабушку никогда не видела, но Аги говорит, она старая, но очень красивая, умная и ласковая. Так что у меня три бабушки: Луйза Хейман, бабушка Рац и еще бабушка в Комароме. Бабушка Луйза – очень странная, я иногда ее очень люблю, а Аги считает ее сумасшедшей, как и всех Вейсловичей. Бабушку в девичестве звали Луйза Вейслович. Ее брат – дядя Эмиль Вейслович, которому принадлежит гостиница «Парк», но бабушка Луйза с ним в ссоре, они поругались из-за наследства.

Поэтому дядя Эмиль и на меня сердит, хотя я не виновата, что они поссорились с бабушкой Луйзой, когда меня еще на свете не было. Я думаю, не стоило им ссориться, ведь у обоих осталось достаточно всего. Но мой папа говорит, у Вейсловичей состояние – больше, чем у Хейманов: в гостинице много персидских ковров и белья, а у бабушки – только стены. Правда, в этих стенах – и кинотеатр, и лавки, и квартиры. Аги и дядя Бела часто смеются над Эмилем Вейсловичем, и каждая история, которую они про него рассказывают, кончается тем, что он выгоняет гостей из гостиницы. Однажды он даже румынского короля выгнал, гостиницу тогда закрыли, но что там было на самом деле, я точно не знаю.

Бабушка Рац мне подарила бежевое весеннее пальто и темно-синее платье. Папа – черные туфельки с французским каблуком, раньше я носила только на низком каблуке; и еще – две пары настоящих взрослых чулок, раньше у меня были чулки на поясе с резинками или носки. Бабушка Луйза – три пижамы, дюжину цветных носовых платков и конфеты. Тетя Лили, папина сестра – красивую золотую цепочку. Знаешь, Дневничок, на этой цепочке я буду теперь носить ключик, которым тебя запираю, чтобы никто никогда не узнал мои секреты. Дедушка – граммофонные пластинки, которые очень нравятся Аги: «Parlez moi d'amour», «J'attendrai» и еще три, на всех поет Люсьен Буайе, которую Аги видела своими глазами и говорит, что она – самая очаровательная женщина в мире. Дедушка купил их, чтобы я выучила французские тексты, тогда Аги будет счастлива, потому что она даже моим школьным отметкам не так радуется, только если я по французскому успеваю, ведь фотокорреспондент должен очень хорошо знать языки. Я хорошо знаю венгерский и немецкий, румынский я забыла, и вот французский начинаю понимать. Дедушка обожает Аги, я думаю, ему все равно, знаю я французский или нет, ему главное – чтобы я в школе хорошо училась, но ради Аги он очень хотел бы, чтобы я выучилась французскому. Дедушка только Аги любит, и когда кто-нибудь говорит, мол, какая

⁹ Коложвар – венгерское название города Клуж-Напока в Трансильвании (Румыния).

¹⁰ Середина-Буда – город на севере Украины, на границе с Россией. Во время Второй мировой войны, в годы немецкой оккупации, в городе был устроен концентрационный лагерь. Не очень понятно, что это был за репортаж, о котором написано в дневнике Евы, и при чем тут партизаны. Возможно, Агнес Жолт, обрабатывая дневник дочери, что-то перепутала.

прелестная девочка эта Ева, он всегда отвечает: ничего удивительного, мать у нее вон какая красавица. И вообще дедушка об Аги иногда такие глупости говорит, например, что Аги – красивее, чем Грета Гарбо, и тут все смеются. Бабушка уверена, что я, когда вырасту, буду красивее, чем Аги: она всего только миленькая, а у меня еще и современная фигура будет. Это потому, что я много занимаюсь спортом, плаваю, на коньках катаюсь, на велосипеде, гимнастикой занимаюсь, хожу на ритмическую гимнастику к Клари Вайс, но ее я терпеть не могу. Еще я получила в подарок 14 книжек, апельсины, шоколад, а от Маришки – медовый пряник, какие продают на базаре, на нем написано «От сердца к сердцу». Но хватит, сегодня я уже много написала, ты, наверно, тоже устал, Дневничок.

14 февраля 1944 года

Вот и прошел мой день рождения, мы пили чай с сэндвичами, и был торт Захер. Раньше угощали еще шоколадом и взбитыми сливками с калачом, но теперь молока не хватает, потому что война, да и вообще чай – это больше подходит для взрослой девушки. Было довольно весело, только Марица была грустной, она на год старше, учится танцевать, английскому и на фортепьяно, но упражнения терпеть не может. Аги не хочет, чтобы я училась играть на фортепьяно: слух у меня есть, но Аги говорит, что мне таланта не хватает, и что когда я стану немного старше, буду учить английский. Фотокорреспонденту английский тоже надо знать. Папа пообещал, что в конце года подарит мне вспышку, тогда можно будет фотографировать даже в комнате, а так я фотографирую уже хорошо. Я и Анни сняла, только на фото она некрасивая, она говорит, что я не умею фотографировать. Хотя я умею, а если у меня будет аппарат Цейс Икон, такой, как у папы, то я буду и дальше учиться, а потом еще научусь проявлять. В ванной у нас из-за воздушных налетов окно все равно заклеено черной бумагой, так что там темно и вполне можно заниматься проявлением. Многие говорят, нас тоже будут бомбить, как в Германии. Аги в какой-то радиопередаче из-за границы слышала, что Мюнхена уже, можно сказать, нет, – но Аги очень любит англичан и верит только тому, что передают по английскому радио. Слушает она его тайно, потому что это запрещено, бабушка Рац говорит, что из-за Аги мы все попадем в тюрьму, но Аги даже Москву слушает, а этого уж совсем нельзя, но Аги считает, что русские тоже не врут, и «Голос Америки» не врёт, а врёт только немецкое и венгерское радио. Вчера мы как раз сидела за полдником, когда Аги позвонила из Пешта. Завтра она ложится в санаторий, но говорит, что беспокоиться не нужно, ложится она на небольшую операцию. Если бы операция была здесь, я бы каждый день могла к ней приходить, а там с ней будет только дядя Бела. И вообще она говорит, в марте они приедут сюда и останутся, пока не закончится война. Дядя Бела работать все равно не может, из-за еврейских законов. Закон относится и к аптекарям, но дедушка, слава богу, это не касается, потому что аптека городского подчинения может и у еврея быть, только заведовать аптекой еврей не имеет права. Поэтому сейчас аптекой заведует Бачкаи, а дедушка в ней работает, работает и за него, за Бачкаи, хотя тот моложе. Бабушка говорит, что из-за Бачкаи у нас доход меньше, но это ничего, только бы пережить войну, а потом дедушка опять будет заведовать аптекой. Дедушка был председателем цеха надъварадских аптекарей, но его сняли, потому что он еврей. Бабушка об этом не жалеет: ему все равно за это ничего не платили, а работать приходилось с утра до ночи, но дедушка все-таки расстроился, да и Аги плакала, когда об этом узнала. Она сказала: «Ничего, отольются волку овечьи слезы», она имела в виду, что после войны не Айтаи будет главой надъварадских аптекарей, а снова дедушка, Айтаи же повесят, потому что он нилашист. Бабушка считает, что Аги слишком много говорит о политике, за это ее тоже могут посадить, как и за то, что она слушает радио. Я думаю, дело совсем не в этом: Аги говорит, что коммунизм все равно может наступить, и тогда ни у кого ничего не будет, только то, что человек умеет. Но я все равно стану фотокорреспондентом, потому что это – такая профессия, на которую даже тогда можно будет прожить. Бабушка в таких случаях всегда говорит: ерунда это все, Аги вечно преувеличивает, но учиться все равно нужно, потому что работать должны все, и мужчины, и женщины, только дети не должны работать, это безнравственно, если детей работать заставляют. Сегодня я снесла велосипед с чердака: через две недели, может быть, можно будет кататься. Я обожаю кататься, велосипед у меня – не какой-нибудь детский, а настоящий, взрослый. Вот только бы Марта мне не вспоминалась каждый раз, когда я вижу велосипед! Милый мой Дневничок, я ведь обещала, что расскажу тебе, что случилось с Мартой, потому что ты – мой лучший друг, от тебя у меня нет тайн. Марта на два года старше, чем я, Аги говорила, что Марта – гениальная танцовщица, похожа на Джозефину Бейкер, только та – негритянка, а Марта про-

сто брюнетка и очаровательная. Я всегда так гордилась, что эта гениальная танцовщица, да еще на два года старше меня, со мной дружит. В тот день, летом будет три года, Марта вечером была у нас, перед этим мы катались на велосипеде в Сальдобаде¹¹, это была первая моя настоящая прогулка на красном велосипеде, у Марты был точно такой же, только посветлее. Потом мы пришли домой, Аги попросила Марту, чтобы она станцевала под граммофон, но Марта отказалась, потому что устала после нашей прогулки. Потом мы сидели за полдником, ели шоколад со взбитыми сливками и клубнику, тоже со сливками, клубнику Марта любила больше всего на свете, даже больше, чем танцевать. Тут вдруг в дверь позвонили пять раз, это была бывшая няня Марты, которая служила у нас кухаркой, потому что Марте няня была уже не нужна, она сказала: «Мартика, ступай домой, там из полиции пришли, тебе с папой и мамой надо куда-то идти». Я до сих пор помню, как Аги побледнела, но Марта сказала, это наверняка потому, что она слишком быстро ехала на велосипеде по улице Риманоци, а папа ей сколько раз говорил, что она «за превышение скорости» в полицию попадет. Я тоже успокоилась, когда это услышала, но Аги так странно ходила по комнате туда-сюда, и все время звонила по телефону тете Пастор, бабушке Марты, но там никто не отвечал. Утром я тоже позвонила Марте, но мне тоже не ответили. Я слышала, как Аги сказала дедушке: накануне вечером в Клубе журналистов говорили, что правительство готовит какое-то большое свинство, и всех, кто родился не в Венгрии, а также евреев увезут в Польшу, и там их ждет что-то ужасное. Я тогда этого не поняла, ведь Марта родилась в Вараде, ее мама тоже, а у дедушки ее в Надьвараде была газета, бог знает с каких времен, когда еще и Аги не родилась. Кажется, ее название было «Надьварадская свежая газета». Но дедушка Марты, дядя Пастор, умер, и теперь у них оставалась только книжная лавка и рекламное бюро, но владел ими отец Марты, дядя Мюнцер. Аги сказала, дядя Мюнцер родился на Буковине, но это ничего не значит, потому что Буковина¹² тоже относилась к монархии. Я тогда не поняла, что такое монархия, и спросила у дедушки, потому что он старый и помнит все, что было давно. Когда мать Марты была еще девушкой, она училась в Вене, и дядя Мюнцер тоже. Они полюбили друг друга и поженились, и с тех пор живут здесь, в Вараде. Дядя Мюнцер хорошо говорит по-венгерски, Марта же даже немецкий не знает, только английский. В общем, у нас тогда был ужасный переполох, Аги все время плакала и звонила куда-то, но бабушка рассердилась и запретила ей звонить, сказала, об этом нельзя говорить по телефону, и Аги тогда побежала в город, к газетчикам. А те рассказали, что десять тысяч человек, таких же, как родители Марты, посадили в вагоны и увезли в Польшу, без багажа и без еды. И еще сказали, что если тетя Мюнцер с мужем сумеют быстро развестись, то она и Марта, может быть, останутся. Но разводиться они не захотели, и Марта тоже не захотела остаться здесь без папы. Аги слышала, что бабушка Марты поехала в Пешт и там все-все испробовала, что только могла; один министр, кажется, Керестеш-Фишер, даже телеграфировал на польскую границу, чтобы им разрешили слезть с поезда, но там, на границе, телеграмму почему-то не получили. Аги сказала, все это вранье, получили там телеграмму, просто все вокруг – мерзавцы, им даже министр не указ. А велосипед Марты так и остался, рядом с моим, в подворотне, не решились мы отвезти его к бабушке Марты. Аги принималась рыдать каждый раз, когда видела эти два красных велосипеда. Я даже спросила, чего она все время плачет, нас же никуда не должны увезти, потому что папа мой родился в Будапеште, дядя Бела – в Комароме, а дедушка – в Капошваре. Но она все равно плакала и говорила, еще много всего может случиться, нас тоже могут посадить в вагон и увезти в Польшу – только потому, что мы евреи, а здесь – фашизм. Я не знаю, что такое фашизм, но наверняка это значит, что евреев увозят в Польшу. Бабушка Марты говорит, что Марта и ее родители живы, только

¹¹ Местность в окрестностях Надьварада.

¹² В XVIII–XIX вв. Буковина входила в состав Австрии, затем – Австро-Венгерской Монархии, с 1918 г. стала частью Румынии. В настоящее время ее северная часть является частью Украины (Черновицкая область), а южная – Румынии.

написать не могут, немцы не разрешают. К ней уже несколько раз заходили солдаты, сначала просили денег, а потом говорили, что видели Марту и ее маму в каком-то польском городе, называется вроде Каменец-Подольский. Я нашла этот город на карте и подчеркнула красным карандашом. Только вот одежды у них нет: чемодан они с собой не взяли, да и солдаты одежду у всех отбирают, чтобы не мерзнуть. Еще рассказывали, что тетя Пастор, бабушка Марты, на галерее чистила фрак дяди Мюнцера, потому что фрак дома остался, там он никому не нужен, солдаты берут только теплую одежду, потому что там очень холодно. А мама Марты, выходит, не мерзнет, значит: дедушка слышал, недавно какой-то солдат приходил за ее летней одеждой. Я и у Аги пробовала спрашивать, но она не захотела говорить, сказала, ни к чему мне знать эти ужасы, у меня и так детство не очень-то счастливое. Тут Аги права: однажды, когда они сидели на галерее и думали, что я сплю, Юсти сказала Аги, что у разведенных родителей дети никогда не бывают счастливыми. Аги на это ответила, я и сейчас помню ее слова: несчастные дети бывают и у таких родителей, которые не разведены, и что ради меня она осталась бы с папой, хотя и не любила его.

А Юсти хорошо знает, что развестись им пришлось из-за бабушки Луйзы, которая никогда Аги не любила, так что если бы папа остался все-таки с Аги, то им даже жить было бы нелегко, потому что дом принадлежит бабушке, и вообще, если папа посмеет сделать не то, чего хочет бабушка Луйза, то она его лишит наследства, а папа этого не хочет, поэтому он всегда бабушку слушается. Я вот слушаюсь взрослых только потому, что не хочу, чтобы меня ругали, я этого терпеть не могу, но когда я вырасту и буду зарабатывать как фотокорреспондент, то что захочу, то и буду делать. Аги говорит, это правильно, но все же я должна слушаться своего мужа, даже если стану фотокорреспондентом. Мне кажется, англичанин-ариец не будет меня ругать, потому что англичане не такие нервные, они очень хорошо воспитаны. Сейчас заканчиваю, милый мой Дневничок, потому что у меня еще много всяких дел, надо еще вызубрить три французских неправильных глагола, а потом я хочу почитать Жюль Верна, «Дети капитана Гранта».

Спокойной ночи!

17 февраля 1944 года

Сегодня после обеда я была у Анико. Больше никого не было, только я. На полдник дали кофе и хлеб с маслом. Сначала мы стали было играть, но вдвоем играть скучно. Так что мы просто сидели и разговаривали. Родители Анико тоже были дома, и Анни все время убегала, чтобы их поцеловать. Не стану врать, милый мой Дневничок, я ей немножко завидовала, мне-то чаще всего нужно долго ехать на поезде, чтобы поцеловать Аги, да и к папе надо пройти по Главной улице целых два квартала, да и то если застану его дома. Я знаю, завидовать – это очень нехорошо, но тебе, Дневничок, я признаюсь: я много раз чувствовала, что завидую – иногда даже Аги завидую. Аги не раз это замечала, она говорит, когда я вырасту, то перестану завидовать. Аги мне объясняет, что не надо смотреть на тех, с кем вместе мы ходим в лицей, вот пошла бы, говорит, ты со мной на улицу Сачвай, где находится бедный еврейский квартал и где живут бедные дети. Там, говорит, ты увидела бы, в какой нужде они живут, им даже еды не хватает, и обувь рваная, а дома у них даже зимой не топят, потому что нет денег на дрова. Подумай, говорит, о сиротах, о больных детях, тогда забудешь, что такое зависть, и будешь благодарна, что у тебя есть все, что нужно, и нет никаких обязанностей, кроме учебы. Правда, я ребенок разведенных родителей, но все-таки живу дома, у дедушки с бабушкой, и папу могу видеть хоть через день, и еще бабушку Луйзу, а Аги каждую пятую неделю приезжает сюда, в Надьварад, или, если в лицее каникулы, я еду к ней. А когда для журналистов уже не будет еврейского закона, я буду жить у дяди Белы в Пеште. Вот почему Аги говорит, что я живу у дедушки с бабушкой временно, а настоящий дом у меня будет в Пеште. Я тебе уже писала, милый мой Дневничок, иногда я и Аги завидую, но только когда бабушка заказывает ей одежду у портнихи. Аги это знает и всегда говорит, что у меня есть все, что нужно тринадцатилетней девочке, и что вот и она получает только то, без чего ей никак нельзя, потому что она все время на людях и ей нужно одеваться прилично. Это, конечно, правда, но все-таки она тоже любит красивые платья, только не любит про это говорить. Когда приходят друзья, она с ними говорит только о политике и о книгах. А с бабушкой или с какой-нибудь подружкой они, если одни в комнате, вполне могут, вполголоса, разговаривать и о платьях. С тех пор как Аги заметила, что я ей немного завидую, она всегда старается устроить так, что если она что-то получает в подарок от бабушки Рац, то чтобы и мне что-нибудь дарили. Однако если я что-нибудь получаю, а она нет, это верно, она мне не завидует. И вообще Аги как-то сказала бабушке Рац: если Ева кому-нибудь завидует, то лучше этого не замечать. У всякого ребенка есть свои недостатки, Аги знает таких детей, которые все время врут и даже воруют. Я вот в самом деле вру редко, только, может быть, в школе или учительнице французского, если плохо выучила урок: я тогда говорю, что у меня голова болела или зуб. А украсть я вообще бы ничего не смогла, что бы это ни было! Когда Анико в десятый раз оставила меня одну в детской, чтобы пойти поцеловать родителей, я ей крикнула, что я лучше домой пойду, раз она все время меня бросает. Не завидуй, Ева, сказала Анико, скоро твоя мама приедет, тогда и тебе будет кого целовать. Ну и неправда, сказала я сердито, я вовсе не завидую, просто мне скучно, когда ты убегаешь. Отсюда видно, что Анни тоже знает, что я – завистливая, и наверняка думает: я, наверно, ей потому завидую, что у нее родители не разведенные, как у меня. У нас в школе есть и другие «разведенные дети», например, Клоди, которая живет у своего папы, а мама у нее – не только француженка, но еще и арийка. Клоди, значит, полукровка, то есть наполовину еврейка, как ее папа, а наполовину арийка, как мама. Клоди – самая красивая девочка у нас в классе, французский знает на отлично, но учится очень плохо. Свою мачеху Клоди ненавидит, но все равно не жалеет, что она – разведенный ребенок, потому что она, когда закончит четвертый класс, то все равно уедет к своей французской бабушке и там станет арийкой. У Эрики родители тоже развелись, Эрика тоже живет у бабушки. Но Эрика не жалеет, что ее родители развелись,

потому что это было так давно, что она своего папу не помнит, да и живет он не в Европе, а где-то в Америке или в Африке, я не знаю точно, где. Среди мальчиков тоже есть такие, у кого родители развелись, но с ними я никогда об этом не говорю, потому что они хулиганы, и вообще я не люблю маленьких мальчиков, только больших, потому что они со мной разговаривают вежливо. Все-таки это был хороший день, и Анни была и будет моей самой лучшей подругой. Теперь мне нужно еще много чего выучить, милый Дневничок, потому что скоро – зимние экзамены. Храни тебя Господь.

21 февраля 1944 года

Пару дней я о тебе почти не вспоминала, милый мой Дневничок, времени не было ни минуты. Нам выдали табель за полгода, Анни Пайор и я – круглые отличницы. Юсти сегодня была у нас, она очень обрадовалась, что у меня такой табель, и подарила мне «Упрямицу», четвертый и пятый выпуски¹³. Юсти я люблю больше всего на свете, немножко даже больше, чем Аги, но Аги идет сразу после нее, потом папа, сразу после папы – дядя Бела и дедушка с бабушкой, которые Рац, потом бабушка Луйза. Правда, бабушке Рац этого нельзя говорить, потому что она сразу обижается. Говорит, она мне дает больше всех, потому и я должна ее любить больше всех. Но не могу же я себя заставить! Это правда, бабушка Рац тратит на меня много денег, но что делать, если я не могу любить ее больше, чем всех других! С бабушкой Рац надо уметь ладить, но ладить с ней никто не может, только дедушка, потому что он во всем с ней соглашается. Я уже пробовала говорить об этом с Аги, но она всегда меня останавливает. Правда, Аги никогда мне не говорит, мол, ты этого не понимаешь, она просто переходит на «детский язык»; но если я начинаю с ней говорить про бабушку Рац, она мне отвечает: очень жаль, Ева, доченька моя, но до этого ты еще не доросла. Однажды она все-таки стала говорить о ней, но я не совсем поняла, что она хочет сказать. Она говорила... ну, как в книгах пишут. Дескать, люди – не ангелы и не демоны, они и такие, и этикие, то есть и хорошие, и плохие. Но бабушка – совсем не плохая. Более того, она очень даже добрая ко всем. Она и Аги одевает, потому что Аги вообще-то – несобранная, да и денег у нее всегда мало. Бабушка и Юсти дарит прекрасные подарки, и Маришке. А если она начинает ругаться, то ей всегда потом стыдно, и она тут же что-нибудь человеку покупает. Аги говорит, бабушка очень вспыльчивая, и от этого ей самой плохо, потому что она потом сильно переживает. Аги мне объясняла, что все несчастья у бабушки – оттого, что она очень ревнивая. Когда дедушка был молодой, она ревновала его, так же было и когда Аги была маленькой: как она говорит, с ней всегда было что-нибудь не так. Тогда дедушка еще не отвечал бабушке «да» на все, о чем бы ни шла речь, и Аги прямо дрожала от страха, боялась, что они вот-вот опять поругаются. Думаю, Аги в таких случаях всегда была на стороне дедушки, но в этом она мне не признается. Бабушка по-настоящему счастлива, когда все вокруг сердятся друг на друга, а она со всеми договаривается. Аги считает, это тоже ревность, а причина тут в том, что прабабушка моя когда-то была очень-очень красивой, я даже ее помню немного, но мне она не нравилась, потому, наверно, что была уже очень старая. Бабушка Рац тоже была красивая, хотя и не такая, как прабабушка. Люди, когда видели ее, говорили: да, красивая девушка, но где ей до матери. Дедушка тоже был очень красивый, наверняка красивей, чем бабушка Рац, и наверняка это ей тоже говорили. Но я это только про себя думаю! Аги же это вот как объясняет: она, то есть бабушка, «так никогда и не избавилась от комплекса неполноценности, которым страдала в молодые годы, отсюда и ее ревность, которую она не может в себе преодолеть и переносит на все окружение». Эту фразу, милый мой Дневничок, я позаимствовала у Аги, которая в прошлом году написала мне письмо, но адресовала его Юсти, чтобы оно бабушке на глаза не попало. Я не знаю, что такое комплекс неполноценности. Аги говорит, что я смогу это понять, может, в седьмом классе, а пока, говорит, не думай об этом, главное, всегда помни, что бабушка добрая, только нервы у нее слабые. Если дядя Бела приедет, он мне все это объяснит, потому что объяснять он здорово умеет, и вообще знает куда больше, чем все другие. Ах, милый мой Дневничок, лишь бы они уже приехали! Операция прошла очень хорошо, Аги сама звонит каждый вечер, телефон у нее рядом с постелью, и настроение очень хорошее, только место операции еще болит. Я уже не сержусь на Аги за день рождения. Мне сказали – кажется, больше никому, только мне, – что

¹³ «Упрямица» – очень популярный в XIX в. детский бестселлер немецкой писательницы Эмми фон Роден.

операция была небольшая, хотя опухоль была серьезная, и лежать Аги придется дольше, чем думали. Собственно говоря, по Аги я скучаю так сильно только с тех пор, как у нас нет Юсти, то есть с весны прошлого года. У нас никто не хотел, чтобы она уходила, дедушка все время хлопотал, чтобы она получила венгерское гражданство, но так ничего из этого и не вышло. А Аги считала, что ей надо выйти замуж за кого-нибудь, у кого уже есть венгерское гражданство, и тогда она тоже станет гражданкой. Дедушка даже говорил об этом с одним официантом из кафе «Рояль», но тот хотел сначала получить 1 000 пенгё, прежде чем он женится на Юсти, так что из этого тоже не вышло ничего. Если бы у Юсти было гражданство, то Донат, здешний Volksbund Ortsleiter, не мог бы указывать, где ей служить. А так – смог; правда, Юсти – австриячка, но Гитлер ведь захватил Австрию, поэтому Юсти сразу стала немецкой гражданкой. Хочет ли она ей стать, никто ее не спрашивал, просто сообщили, и все. Бедняжка Юсти просто ненавидит этого Доната и Winterhilfe¹⁴, на которую все время нужно сдавать деньги. Аги говорит, Гитлер – это дьявол, а все, кто с ним, приспешники дьявола. Аги вправду все время говорит о политике, я даже не понимаю: она так болеет за англичан, а сама говорит, что англичане и за Гитлера в ответе, потому что Гитлер – это бешеная собака, а англичане – живодеры, и все же они позволили бешеной собаке гулять на свободе, вот она и покусала всех. А сама прямо рвется слушать английское радио, да и меня собирается выдать замуж за англичанина-арийца, причем наверняка за такого, который не в ответе за Гитлера. Сейчас я сообразила, что об этом тоже надо спросит дядю Белу, потому что я все-таки не совсем понимаю Аги. В общем, милый мой Дневничок, ты тогда уже был у меня, а значит, ты тоже знаешь, что ничего нельзя было поделать, и Юсти ушла от нас к семье Порослаи. Я тогда два дня и две ночи редела. Даже в школу не пошла. Аги приехала и тоже плакала, и бабушка плакала, и даже дедушка. В конце концов Аги стала меня утешать, сказала: главное, чтобы мы остались живы, она все время это повторяла, и еще говорила, что тогда Юсти сразу к нам вернется, а пока нужно потерпеть. Она вот, Аги, терпит же без дяди Белы, хотя там, на Украине, куда страшнее, там офицеры мучают дядю Белу, а Юсти у Порослаи никто мучить не станет. Аги тогда все время к нам приезжала, оставалась с пятницы до воскресенья, уезжала ночью, потому что, пока дяди Белы нет, она служила в Пеште, в какой-то конторе. С тех пор я сильно скучаю по Аги. Когда война кончится, мы с Юсти поедем в Пешт, к Аги, у них тогда будет жилье, и деньги будут, потому что для газетчиков уже не будет еврейских законов. Мама Анико, тетя Бора, говорит, что после войны дядя Бела даже министром может стать, и тогда у нас вправду будет красивая квартира в Пеште, и машина будет. Правда, Аги, мне кажется, не хочет, чтобы дядя Бела стал министром, она хочет, чтобы он опять писал всякие передовые статьи и книги, Аги считает, в том, чтобы быть министром, ничего хорошего нет, потому что человеку нужна не власть, а спокойная жизнь. Но спокойная жизнь наступит, только когда умрет Гитлер, но в киножурнале я видела, он очень даже хорошо выглядит, вряд ли он умрет так скоро! Бабушка Луйза считает, что его убьют, но когда, этого она тоже не знает.

¹⁴ Winterhilfe (буквально: «зимняя помощь»; нем.) – ежегодная кампания в нацистской Германии по сбору средств на топливо для бедных.

26 февраля 1944 года

Милый мой Дневничок, Аги все еще в санатории, она, наверно, все-таки очень больна, только мне этого не говорят. Правда, теперь она даже письма мне пишет! А со мной, Дневничок, случилось что-то необычное. Я едва смею тебе в этом признаться – кажется, я влюбилась. Я даже имя тебе напишу: зовут его Пишта Вадаш. Он об этом не знает, потому что он взрослый, уже два с лишним года как получил аттестат зрелости, но в университет поступить не получилось, потому что он еврей, так что он работает в текстильном заведении у своего дяди, Енё Вадаш и Ко. Бабушка обычно покупает у них ткани, потому что я его и знаю. По дороге в школу я часто вижу, как он открывает лавку. Я с ним еще не разговаривала, но, например, сегодня утром он очень приветливо на меня посмотрел. И сказал: привет, Ева. А я ответила: привет, Пишта. Бабушка меня за это отругала бы, она считает, что к парням я должна обращаться на «вы», а на «ты» – только к девушкам. А для Аги – все равно, в Пеште и парни, и девушки друг к другу все на «ты» обращаются, а я после войны стану девушкой и буду жить в Пеште. До сих пор я, когда думала об этом, очень радовалась, потому что мне нравится в Пеште. Я туда часто ездила, и с Аги мы там много гуляли. Никогда не забуду, как мы с ней были в английском парке и Аги всего боялась, особенно американских горок, но все-таки тоже со мной прокатилась, потому что хотела мне угодить. А на качелях ей чуть плохо не стало, она вся побледнела; зато в зоопарке радовалась так же, как я. Ходили мы и в оперу, в детский театр, гуляли по удивительному острову Маргит. А самым огромным счастьем для меня было, когда мы бродили по Пешту втроем: я, Аги и Юсти. Аги теперь с таким восхищением говорит о Юсти: ведь та была у нее гувернанткой, когда я еще не родилась. В Пеште мы любили играть, будто Аги – моя старшая сестра, а Юсти – наша гувернантка. В то время Аги была очень веселая, а после того, как дядю Белу отправили на Украину, совсем изменилась. Иногда – правда, редко, – когда от дяди Белы приходит письмо, с оказией или пускай по полевой почте, она становится такой же, какой была раньше. Но если она сама мне пишет, то кажется, что ей очень весело, а по телефону голос у нее совсем другой. Она говорит, теперь уже и бомбардировок можно ждать, я их ужасно боюсь, а папа считает, Варад вряд ли будут бомбить: чего ради его бомбить-то! Пешт, к сожалению, будут; так что главное, чтобы Аги и дядя Бела к тому времени были уже здесь, в Вараде. Да, Дневничок, я так давно уже не видела дядю Белу. Летом будет два года. В последний раз они приезжали летом, и тогда все так хорошо начиналось. В первый же день мы с Аги пошли на пляж; правда, я очень злилась на ее подруг, потому что они все время вертелись рядом, спрашивали, как там, в Пеште, верно ли, что Каллаи¹⁵ готовится заключить сепаратный мир. Я и теперь не знаю, что это такое, сепаратный мир, но помню, как Аги сказала: этот Каллаи такой же негодяй, как и прочие, – она все время боялась, что дяде Беле придет повестка. В Вараде еще никто не знал, что тех, кого призывают отбывать трудовую повинность, направляют на Украину; подруги даже говорили, что Аги слишком пессимистично смотрит на мир, всегда ждет чего-нибудь самого плохого. Хотя людей забирали уже и в Вараде, но тогда еще не известно было, куда их увезут. Одна Аги знала это, но ни с кем не делилась; говорила: потом сами узнают, бедненькие. Так, к сожалению, и вышло! Однажды – мы как раз вернулись домой и вошли в дверь – раздался прерывистый звонок. Междугородний телефон...

Звонили из Пешта: пришла повестка. Это – конец, сказала Аги. С той минуты она ничего не ела, даже не разговаривала, хотя она вообще-то много говорит. Только плакала на улице,

¹⁵ Миклош Каллаи (1887–1967) был премьер-министром в правительстве Хорти с марта 1942 г. по март 1944 г. Когда поражение гитлеровской Германии становилось все более очевидным, Каллаи (с согласия Хорти) предпринял осторожные попытки пойти на переговоры с участниками антигитлеровской коалиции, чтобы вывести Венгрию из войны и тем самым помочь ей сберечь территориальные приобретения. Третий рейх пресек эти попытки: 19 марта 1944 г. Германия оккупировала Венгрию. Каллаи вынужден был бежать, но вскоре был схвачен и отправлен в концлагерь; уцелеть ему удалось лишь чудом.

когда покупала для дяди Бела рюкзак, башмаки и всякое снаряжение, как для какой-нибудь дальней экскурсии. А я в это время думала о том, что все это достанется мне, потому что дядя Бела уже пожилой, старше других, которых тоже забирают, так что его наверняка отпустят. А дядя Бела шел рядом и все успокаивал Аги: не плачь, милая, не могут меня забрать, ты же знаешь, я – инвалид. Дядя Бела еще на прошлой войне воевал, но там он был солдатом, потому что это только на нынешней войне получается так, что евреи идут на фронт, но без оружия. Однако Аги плакала и на все его слова отвечала: все равно заберут, потому что хотят от нас избавиться! Дедушку я даже спросила, почему они хотят убить дядю Белу больше, чем других? Потому что дядя Бела – левый, да к тому же беспокойный, а у власти теперь правые, ответил тогда дедушка. Я, конечно, этого не поняла, но Аги мне потом все объяснила, и теперь я в общем понимаю. То есть понимаю, что я должна сочувствовать левым, потому что тогда всем, кто честный, будет хорошо, а негодяев убьют. И, что еще для меня еще важнее, тогда никого не увезут на Украину, а Пишта Вадаш сможет поступить в университет, потому что тогда не будут смотреть, еврей ты или нет. В тот же вечер Аги и дядя Бела уехали, и можешь поверить, милый мой Дневничок, их отъезд я никогда не забуду. Аги выглядела так, словно умом тронулась. Даже не поцеловала дедушку, садясь в поезд, хотя для нее дедушка – это то же, что для меня Юсти. В тот вечер бабушка со мной была очень ласкова. Села ко мне на постель и сказала: дядя Бела наверняка скоро вернется, Аги это как-нибудь устроит, потому что, если речь идет о дяде Беле, то Аги даже Гитлер не сможет остановить. В это я, конечно, не очень-то поверила, но Аги и вправду умеет добиваться, чего захочет. Бабушка говорит, это потому, что она нравится мужчинам, а от мужчин очень многое зависит. Дедушка же сказал: к сожалению, вряд ли она чего-нибудь добьется, потому что все зависит не столько от мужчин, сколько от политики. Я тоже не очень-то понимаю, что такое политика, но речь все время идет о ней, я в самом деле не знаю, кто ее делает, но делают ее плохо. Я буду всего лишь фотокорреспондентом, больше никем, но даю тебе слово, милый мой Дневничок, что ни одного правого не стану фотографировать, потому что всех правых ненавижу и буду ненавидеть, пока живу! Дядя Бела потом еще два дня пробыл в Ваце, и Аги так ничего и не смогла сделать. Десять дней она нам даже не писала, а потом приехала и рассказала, как все ужасно: дядю Белу в Ваце остригли наголо, пришили ему на одежду желтую ленту, на голову надели солдатскую шапку, с собой разрешили взять только пару рубашек, а из теплой одежды – ничего... Аги рассказывала: тот, кто не видел в Ваце ту школу, в которую заперли евреев, и солдат со штыками, и жандармов с петушиными перьями, как они отталкивают женщин, толпившихся у ограды, тот не знает, что такое фашизм. Дядя Бела за два дня состарился на несколько лет, исхудал, но все время утешал Аги, говорил, что вернется обязательно. Бабушка и дедушка не хотели, чтобы Аги уезжала в Пешт, пускай живет здесь, пока дядя Бела не вернется. Но Аги и слышать ничего не хотела. Только твердила: если я могу что-то сделать, то только в Пеште, а сидеть сложа руки я не имею права! На это дедушка с бабушкой ничего не могли ей возразить, и Аги уехала. Выходит все-таки, Аги была права: ведь дядя Бела и вправду вернулся. Ну да, ей много пришлось потратить сил и времени: целых пятнадцать месяцев прошло, пока он оказался дома. Дедушка часто говорил, что Аги там – будто в логове диких зверей: в любой момент могут сожрать, – это он военных имел в виду. А бабушка все время боялась, как бы Аги тоже не посадили, потому что она стучится даже в такие двери, на которых написано: «Евреям вход воспрещен». Кажется, это какое-то министерство в Пеште; я думаю, в Крепости. Я, правда, была уверена, что Аги не посадят, этого только бабушка постоянно боялась. Не хватало ей слушать радио да рассуждать о политике, причитала бабушка, теперь она еще и по всяким военным кабинетам ходит. Но с Аги ничего плохого не случилось, и с тех пор, как пришла телеграмма, что дядя Бела вернулся с Украины домой, у здешних ее подруг прямо рот не закрывался, так они ей восхищались. По крайней мере человек пятьдесят к нам приходили, поздравляли дедушку с тем, какая у нас Аги. А дедушка был такой счастливый, и все время смеялся, чего раньше с ним не бывало. Я

тоже чувствовала гордость, хотя и не понимала, как Аги этого добилаь. Но если они теперь приедут, она наверняка мне все объяснит. Только бы они уже приехали! Милый мой Дневничок, теперь я долго не смогу ничего писать, потому что у меня дел выше головы: не могу же я допустить, чтобы закончить год не круглой отличницей, а тут вот по географии у меня дела неважные, не то что у Анни. Храни тебя Бог, милый мой Дневничок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.